

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «СУБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ: ДИАЛЕКТИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ, СЛУЧАЙНОСТИ И НЕОБХОДИМОСТИ

THE PROBLEM OF DEFINING THE CONCEPT OF «SUBJECTIVE REALITY» IN THE MODERN CONTEXT: THE DIALECTIC OF HUMAN REALITY, RANDOMNESS AND NECESSITY

A. Safronov

Summary. The article discusses the term «subjective reality», introduced into the philosophical language by D. I. Dubrovsky and used today by a number of researchers. The reasons for the origin of the term, its historical analogues, relevance and modern context are considered. On the basis of Dubrovsky's scientific discussions with his opponents of different years (Ilenkov and Chalmers), a conclusion is drawn that the term includes contradictories. The fact is that the term «subjective reality» cannot be considered as the synonymous with the concept of «consciousness», as it is commonly used, since «consciousness» includes features of objective reality. A number of arguments are presented in favor of the development of an independent ontology of the random as additional to the ontology of the necessary. In the course of dialectics, the task of finding a synthesizing concept that removes the contradiction that takes place between the concepts of «subjective reality» and «objective reality» is being solved. The notion of «human reality» is proposed, which makes it possible to evaluate the degrees of subjective (accidental) and objective (necessary) in consciousness.

Keywords: subjective reality, dialectical contradiction, human reality, laws of nature, randomness.

Сафронов Алексей Владимирович

*К.т.н., МГУ им. М. В. Ломоносова
Alexey.safronov.w@gmail.com*

Аннотация. В статье обсуждается термин «субъективная реальность», введенный в философский язык Д. И. Дубровским и используемый сегодня рядом исследователей. Рассматриваются причины возникновения термина, его исторические аналоги, актуальность и современный контекст. На основании научных дискуссий Дубровского с его оппонентами разных лет (Ильенковым и Чалмерсом) делается вывод о том, что в него вкладывается противоречивый набор понятий. В строгом смысле, термин «субъективная реальность» не является синонимом понятия «сознание», в котором он обычно используется, так как сознание включает черты объективной реальности. Приводится ряд аргументов в пользу разработок самостоятельной онтологии случайного как дополнительной по отношению к онтологии необходимого. В русле диалектики решается задача поиска синтезирующего понятия, снимающего противоречие, которое имеет место между понятиями «субъективная реальность» и «объективная реальность». Предлагается понятие «человеческая реальность», позволяющее оценивать степени субъективного (случайного) и объективного (необходимого) в сознании.

Ключевые слова: субъективная реальность, диалектическое противоречие, человеческая реальность, законы природы, случайность.

Понятие «субъективная реальность» было систематически введено в философский язык Д. И. Дубровским. В 1968 году философ опубликовал статью «Мозг и психика», где развил идею этого понятия [1]. В дальнейшем эта идея неоднократно подвергалась критике со стороны оппонентов Дубровского, однако, используется и в наши дни в качестве синонима таких понятий как сознание, феноменальная ментальность, субъективный опыт и т.д.

Почему это понятие целесообразно исследовать сегодня? Когда в 1995 году на Туссанской конференции малоизвестный австралийский философ Дэвид Чалмерс сформулировал «Трудную проблему» сознания, он не только мгновенно стал знаменитостью, но и мотивировал философов во всем мире заниматься проблемой сознания. После вошедшей в историю речи Чалмерса,

всем неожиданно показалось, что тысячелетняя проблема близка к решению и, главное, может быть решена теоретически. Эйфория была настолько сильной, что мало кто обратил внимание на то обстоятельство, что «трудная проблема» далеко не нова, и в том или ином виде была сформулирована разными мыслителями до. И одним из них был наш соотечественник Д. И. Дубровский, который задался проблемой «субъективной реальности». В его терминологии «трудная проблема» могла бы быть сформулирована так: почему существует субъективная реальность.

Дубровский опередил Чалмерса на 27 лет, но в далеком СССР 1968 года его идея вызвала больше критики, чем одобрения. В том же году появился критический ответ Э. В. Ильенкова в виде статьи «Психика и мозг (Ответ Д. И. Дубровскому)» [2]. Но тогда это был почти чисто

теоретический спор, что признавали и сами оппоненты. Как верно выразился в этой статье Ильенков: «...мы с Д.И. Дубровским, как и вся мировая наука, не можем высказать абсолютно ничего сколько-нибудь достоверно установленного. Тут мы обеими ногами стоим на зыбкой почве чистых гипотез, допущений и даже гаданий».

За 27 лет наука о мозге и биология вообще совершила огромный скачок. Поэтому знаменитая туссанская речь австралийского учёного уже не звучала как чистая теоретическая выкладка. А сегодня (через полвека после статьи Дубровского), нам известно о мозге и функционировании нейронов так много, что существует обратная проблема — переизбыток данных. Но при этом ни проблему «субъективной реальности», ни «трудную проблему сознания» до сих пор нельзя признать решенными.

Эйфория после бурного обсуждения «трудной проблемы» в течении двух десятилетий прошла, и стало совершенно ясно, что мы «рассуждаем» о сознании недостаточно точно. Понятия, которые используются, не отражают суть проблем, которые стоят перед исследователями. Поэтому, вполне вероятно, что несмотря на колоссальную скорость с которой сегодня появляются новые данные о взаимодействии нейронов, строятся подробнейшие карты мозга, важно и необходимо уточнять понятия, в которых формулируется проблема сознания. В этой статье мы постараемся начать исследования понятия «субъективная реальность».

После переписки с Ильенковым, вызвавшей огромный интерес философской общественности, в 1971 году вышел системный труд Дубровского «Психические явления и мозг» [3], в котором автор подробно анализирует сложившуюся к этому времени позицию советской и мировой философии в отношении проблемы онтологии сознания. В результате своего анализа советский материалист пришёл к выводу, что, с одной стороны, его не устраивает вульгарная материалистическая концепция сознания, с другой, — вызывает множество вопросов теория его оппонентов в рамках марксистской школы, которые, сконцентрировались на общественной природе сознания, игнорируя его субъективную сторону.

В отношении последних (в первую очередь сторонников Ильенкова) он пишет: «Некоторые авторы склонны характеризовать идеальное таким образом, что оно оказывается вынесенным за пределы человеческого мозга и субъекта вообще. Это происходит в тех случаях, когда идеальное классифицируется исключительно как продукт общественной, производственной деятельности субъекта, когда непомерно гипертрофируются общественные связи субъекта — настолько, что реальный субъект совершенно испаряется...» [3, стр. 185].

Полемика Дубровского с марксистскими оппонентами разворачивалась вокруг понятия «идеальное». Различные точки зрения по проблеме идеального распределились между двумя крайними полюсами — гегельянским крылом, стремящимся определить идеальное как объективное, и позицией Дубровского, который настаивал на том, что идеальное невозможно рассматривать в отрыве от субъекта. Позиция Дубровского того времени выглядит смело. В 1971 году он следующим образом формулирует свою точку зрения: «Идеальное является исключительно субъективной реальностью и «рождается и существует» только в голове человека, не выходя за ее пределы...» [3, стр. 187].

Идея Дубровского заключалась в том, что все попадающее в общественное сознание, все что становится предметом науки, культуры, общественной жизни, идеи, теории, концепции, которые разделяют тысячи, миллионы или даже миллиарды людей, прежде чем стать достоянием общества, проходят в этот мир через индивидуальные сознания отдельных личностей. Более того, оно существует, меняется, «живет» только в индивидуальных субъективных реальностях. Поэтому сознание, как некоторую особую реальность (субъективную реальность), невозможно игнорировать.

Дубровский многократно подчеркивал, что не спорит с важнейшей ролью общественного сознания в формировании индивидуального, однако, функцию источника содержания, которое впоследствии становится общественным содержанием, он сохранил за сознанием каждого отдельного члена общества.

Удивительно и показательно, что полемика Дубровского с его оппонентами марксистской традиции привела его к ряду заключений, к которым пришел в полемике с физикализмом через три десятка лет Дэвид Чалмерс. А именно к тому, что индивидуальное сознание не сводится ни к чему, кроме самого этого индивидуального сознания, что его невозможно игнорировать, неверно выводить из (редуцировать к) онтологий иного порядка — физической или общественной. В качестве подтверждения, в текстах раннего Дубровского находим идеи очень близкие Чалмерсу. Так Чалмерс разделяет ментальное на два типа — психологическое и феноменальное. На основании этого разделения в дальнейшем он формулирует «трудную проблему». Близкое разделение «субъективного» мы находим и у Дубровского. Сравним определения двух авторов.

Чалмерс пишет: «В основе всего этого лежат два совершенно разных понятия ментального. Первое — феноменальное понятие ментального. Это понятие ментального, понятого в качестве сознательного опыта, и ментального состояния как осознанно переживаемого

ментального состояния... Второе — психологическое понятие ментального. Это понятие ментального как каузальной, или объяснительной, основы поведения. Некое состояние является ментальным в этом смысле, если оно играет надлежащую каузальную роль в продуцировании поведения или, по крайней мере, играет надлежащую роль в объяснении поведения... В соответствии с феноменальным понятием ментальное характеризуется тем, как оно чувствуется; в соответствии с психологическим понятием ментальное характеризуется тем, что оно делает» [4, стр.28].

Достаточно близко разделение Дубровского «субъективного» на «субъективную реальность», внутренний духовный мир, и каузально-деятельную часть. Дубровский пишет: «Акцентируя внимание на понятии субъективной реальности, психология имеет своей задачей объяснение так называемого внутреннего, духовного мира личности. В этом отношении все множество психических явлений, образующих субъективную реальность, представляет все множество идеальных явлений. Второй тип значений, выражаемых термином «субъективное», включает либо некоторую объективную реальность, связанную с личностью и понимаемую в бихевиористском смысле как поведение, цепь объективно регистрируемых действий личности, либо — в большинстве случаев — некоторое недифференцированное единство явлений субъективной и объективной реальности, ограниченное личностью» [3].

Поразительное сходство мысли, причину которого можно было бы искать в научной среде двух философов. Так Чалмерс черпал вдохновение в работах Нагеля (Каково быть летучей мышью?) [5], Джексона (Эпифеноменалтные квалиа) [6] и, конечно, Декарта (дуализм). Но, главное, он уделил большое внимание изучению научной стороны вопроса — кибернетике, нейрофизиологии, психологии. В свою очередь, Давид Израилевич, прекрасно ориентируясь в мировой философии (как предшествующих этапов, так и современного), будучи советским философом, должен был использовать советские источники. И здесь мы видим сходство с Чалмерсом, так как Дубровский нашёл главные источники именно в научной среде выдающихся советских ученых, таких как Павлов, Выготский, Брушлинский и многие другие.

Дубровский упоминает Павлова в ключевом месте определения «субъективной реальности»: «Наконец весьма часто термин «субъективное» употребляется в еще более узком смысле, а именно: как особое внутреннее состояние личности, вовсе не обязательно связанное всегда с внешними двигательными актами, как некоторое единство многих подобных состояний, как «субъективный мир» личности. В таком смысле употребляется в большинстве случаев термин «субъективное»

И.П.Павлов. Здесь уже «субъективное» может быть довольно четко противопоставлено «объективному». В этом смысле «субъективное» обозначает весь класс сознательно переживаемых психических явлений, взятых самими по себе, в отвлечении от связанных с ними экстеродвигательных актов, от вызвавших их внешних причин и обуславливающих их мозговых нейродинамических процессов». [3, Стр. 202].

Созвучные идеи Дубровский мог почерпнуть и у современных ему философов. В это время активно писали на близкие темы В.А. Лекторский [7], А.Н. Леонтьев [8], А.Р. Лурия [9] и другие.

Тем не менее, идея Дубровского о «субъективной реальности» не смогла объединить вокруг себя философского течения в СССР того времени. Быть может сегодня мы имели бы авторитетную для всего мира философскую школу в области философии сознания, так как начали бы движение в сторону признания феноменологической роли сознания (наряду с каузальной) значительно раньше. Даже знаменитая статья Нагеля «Каково это быть летучей мышью?», ставшая предвестником «Трудной проблемы», вышла только в 1974 году, то есть на 6 лет позже дискуссии Дубровского и Ильенкова. В чем же дело? Почему Дубровский не стал российским Чалмерсом?

С одной стороны, такой недостаточной внутренней интерес к проблеме «субъективной реальности» в СССР, который мы, напротив, видим в англоязычной философии в то время, был связан с отсутствием необходимых научных данных о сознании и строении мозга, с закрытостью СССР, возможно отсутствием необходимых переводов работ Дубровского. Но, с другой, нельзя не признать, что термин «субъективная реальность» внутренне противоречив, недостаточно определен.

Этот термин возник и как антитеза «объективной реальности», и как попытка узаконить в рамках марксизма роль и место сознания, для которого не нашлось места в онтологии форм движения материи Энгельса. Существенная неточность, однако, как нам кажется, заключается в отождествлении его с потоком сознательных переживаний. Ведь в этом случае оказывается, что сознание отождествляется только с субъективной стороной человека, тогда как в нем (сознании), по мнению в том числе и самого Дубровского, имеет место объективная составляющая.

Такое представление «субъективной реальности» сочетается с обыденными взглядами на сознание как на некоторый психический процесс, который сопровождается «внутренним видением», или как сказал бы Чалмерс — который сопровождается опытом и «не проходит в темноте». В работе 2007 года Дубровский ука-

зывает: «Под человеческой субъективной реальностью имеется в виду динамический континуум сознаваемых состояний человека, временно прерываемый глубоким сном или случаями потери сознания». [10, Стр. 14]. Весьма интересно, что здесь Дубровский близок к тому определению сознания, которое дал другой известный философ, Дж. Серл, утверждающий, что «то, что я подразумеваю под «сознанием», лучше всего продемонстрировать на примерах. Когда я просыпаюсь после лишённого сновидений сна, я вступаю в состояние сознания, которое продолжается, пока я бодрствую. Когда же я засыпаю, оказываюсь под общей анестезией или умираю, мои состояния сознания прекращаются» [11, Стр. 14].

Действительно, в обоих определениях речь идёт о тех пограничных состояниях, когда, как подсказывает опыт, поток сознания прерывается и субъективная реальность как бы «не существует». Но уже сама такая постановка вопроса ставит понятие «субъективная реальность» в зависимое положение от объективных факторов. Сам Дубровский указывает: «Стоит заметить, что ряд философов, с нашей точки зрения, недооценивают объективность содержания чувственных отображений... субъективная реальность у животных — довольно надёжный инструмент объективного отображения действительности...». [11, стр. 26]. Кроме того философ отмечает: «Разумеется, между субъективной реальностью и объективной реальностью нет непроходимой пропасти, ибо всякое явление из категории субъективной реальности существует лишь в объективированном виде, воплощено в мозговой нейродинамике, проявляется в действиях личности». [11].

Строго говоря, состояния субъективной реальности (в понятиях Дубровского) не могут быть признаны в чистом виде состояниями только субъективной реальности или чистой субъективной реальности. Очевидно, что всякий объект восприятия содержит в себе и объективную, и субъективную составляющие. Имеет место диалектика субъективного и объективного.

Наука не впервые сталкивается со столь противоречивыми понятиями. И ряд подобных проблем был решен в рамках диалектики, как это произошло, в частности, с проблемой соотношения наследственности и изменчивости. Диалектика этих противоположностей «мучила» исследователей до тех пор, пока не был осмыслен определённым образом термин «биологический вид», который включал в себя оба понятия в их диалектическом единстве. «Вид» обладает и свойствами изменчивости, и наследственности, и сегодня это обстоятельство не вызывает теоретических затруднений.

«Биологическая концепция вида разрешает также парадокс, порождённый конфликтом между стабильно-

стью видов в понимании натуралиста и пластичностью видов в понимании эволюциониста. Именно этот конфликт заставил Линнея отрицать эволюцию, а Дарвина — отрицать реальность видов. Биологический вид соединяет в себе дискретность вида в данной местности и в данное время с эволюционной потенциальностью к постоянным изменениям». [12, стр. 22].

Рассмотрение любого понятия, содержащего «внутреннюю» и «внешнюю» составляющую, вероятно, может подпадать под общее определение, данное В. И. Метловым: «...все особенности диалектического противоречия определяются характером отношения субъект объект» [13]. Поэтому если отношение субъект объект удастся зафиксировать в общем «третьем» понятии (таким как «вид» в биологии) диалектическое противоречие перестаёт быть проблемой терминов и переходит в категорию научной задачи.

Так, например, понятие бесконечно малой величины стало той отправной теоретической точкой, из которой выросло все дифференциальное и интегральное исчисление, без которого просто немислим современный мир. Это понятие стало «третьим» по отношению к единичному и множественному, окончательно решив проблему движения, поставленную ещё в Древней Греции Зеноном.

Дубровский обозначает проблему «субъективной реальности», её противоречивость, но, к сожалению, не предлагает понятия, которое бы как «третье» включило в себя противоречие субъект-объект. Или, как назвал это противоречие Вайцзеккер — механизм и индивидуальность. Каждая биологическая живая система есть носитель индивидуальности, но в то же время она подчинена объективным механизмам. Ранее автор писал, что проблема сознания непосредственно связана с разрешением противоречия между позициями «от первого лица» и «от третьего лица» через «третье» [14].

Возвращаясь к понятию «субъективная реальность», заметим, что, если следовать внутренней логике самого понятия, то оно должно обозначать нечто, не содержащее ничего объективного, никакой части объективной реальности. Что, безусловно, отличает «субъективную реальность» (в таком понимании) от сознания, поскольку сознание суть сочетание субъективных и объективных сторон одних и тех же объектов.

Строго говоря, человеческое сознание не может быть сведено только к субъективной реальности. Уместнее говорить о сознании как о «человеческой реальности», которая содержит черты и субъективной, и объективной реальностей. Недаром в приведённой выше цитате Дубровский пишет о «человеческой субъективной реаль-

ности», хотя и делает акцент не на слове «человеческая», а на слове «субъективная».

Понимаемая таким образом «человеческая реальность» может выступать в качестве некоторого «третьего», объединяющего в себе противоречивые субъект-объектные отношения. Действительно, если понимать продукты сознания как объекты человеческой реальности, то это даёт путь для выделения в этой реальности не сугубо субъективных и объективных элементов, а элементов являющихся субъективными и объективными в той или иной степени. При этом само субъективное (в силу того, что объективное отождествляется с необходимым) становится развитой степенью случайного, неопределённого.

Возможно возражение, что оба понятия и объективная реальность, и субъективная реальность — суть пережитки прошлого, химеры марксистской философии, и более того, сам термин «реальность» уже давно вычеркнут из актуального философского словаря. В этом смысле, в классификации отечественного историка философии и авторитетного исследователя проблем сознания Н. С. Юлиной [15] Дубровский был бы отнесён к традиционному реализму. То есть к такой позиции, которая, во-первых, признает реальность саму по себе, а, во-вторых, признает реальность человеческого сознания. И только в этом смысле, то есть имея в виду, что реальность имеет место, вообще уместно говорить о любой форме реальности — объективной, субъективной, человеческой и т.д.

В оппозиции к традиционному реализму сегодня выступают многие авторы, но выделяются отдельные системные позиции, как например традиция Витгенштейна-Райла-Гудмена-Деннета, согласно которой говорить о реальности сознания бессмысленно. Однако, эпифеноменализм Деннета нельзя отнести сегодня к наиболее авторитетным философским течениям. Не только философы, но и учёные нейрофизиологи сегодня склонны признавать реальность внутреннего мира, необходимость его научного познания.

Рассуждая на тему того, что есть сознание и зачем оно человеку, известный психолог, нейрофизиолог и философ В. С. Рамочандран признает роль феноменальной «части» сознания и остроумно замечает: «Чтобы совершать преднамеренные действия, человек должен осознавать — то есть предчувствовать — все последствия действия и стремиться к ним... Я полагаю, что предчувствие и осознание частично располагаются в надкраевой извилине, а стремление требует дополнительного участия поясной извилины... Ощущение свободы, связанное с активностью этих структур, может быть вошедшей в поговорку морковкой на конце палки, которая

подталкивает вашего внутреннего ослика к действию». [16, с. 128].

В 2010 году известный финский психолог Антти Ревонсуо проанализировал широкий спектр современных теорий сознания, и разделил их на две группы — философские и научные (нейрофизиологические) [17]. При этом, последние — научные теории сознания (теория глобального рабочего пространства Баарса, нейробиологическая структура Крика и Коха, теория динамического ядра Тонини и Эдельмана, теория интеграции информации Тонини, таламокортикальная теория Льянаса, теория рекуррентной обработки Ламме, теория микросознания Зекки и теория «ощущения происходящего» Антонио Домасио) — заняли в его исследовании не меньше места, чем философские. Ревонсуо отмечает, что рывок в области научных теорий произошёл благодаря введению в язык нейрофизиологии понятия «нейронные корреляты сознания».

К сожалению в список упомянутых Ревонсуо теорий не вошло релевантное исследование советского и российского учёного Иваницкого А. М. и др. [20]. Это весьма досадно, так как публикация отечественных учёных опять же опередила пионерские нейробиологические теории Баарса (1988) и Крика и Коха (1980) на несколько лет.

Книга Ревонсуо стала знаковым явлением, отразившим новые тенденции в исследовании сознания. Сегодня кабинетная философия сознания уже не мыслима без лабораторных исследований. Однако, финский психолог указывает на тот факт, что обратная зависимость выглядит ещё более ярко. Без теоретического понимания того, что именно должен найти «микроскоп», это не может быть найдено.

Ревонсуо так резюмирует обзор научных теорий сознания: «До тех пор, пока у нас нет ясного и общепринятого понимания того, что такое сознание — является оно единым целым или набором феноменальных фрагментов, распределено оно последовательно в модулях коры или остаётся целостной сферой в рамках таламокартикальной системы... — у нас не будет ясного понимания того, как и где искать нейрональные механизмы сознания». [17, Стр. 253]. Исходя из вывода Ревонсуо, можно убедиться, что анализ понятий, с помощью которых мы говорим о сознании, сегодня более чем актуален.

Наш анализ понятия «субъективная реальность» не был бы полным без рассмотрения переписки Дубровского и Чалмерса [19]. В этой переписке особенно отчётливо видно отличие позиций двух философов. Для Чалмерса феноменальное сознание является столь удивительной «сущностью» и трудной проблемой именно

потому, что оно, по его мнению, не имеет никакого функционала. Выполняет роль необязательного дополнения к психике. Дубровский в отличие от Чалмерса придерживается функционалистской точки зрения, то есть позиции, что сознание несёт определённую функцию.

В указанном ответе Дубровский пишет: «Остро поставленный Д. Чалмерсом вопрос, почему информационные процессы «не идут в темноте», несёт оттенок удивления, связанный с допущением, что они вполне могли бы идти «в темноте». Но тем самым неявно предполагается, что явления CP тут как бы не обязательны, что и без них все бы происходило точно так же, то есть за ними не признается какой-либо специфической функциональной способности и каузальной действенности».

Дубровский критикует эпифеноменализм Чалмерса и его склонность к рефлексии на тему «философских зомби». Упрекает его в регрессе к идеям Фейербанда и Рорти: «Нетрудно увидеть, что это воспроизводит старый ход мысли (бытовавший в психологии и философии конца XIX века)...» [19]. В качестве решения и выхода Дубровский указывает: «...чтобы преодолеть «психологический параллелизм» и избавиться от «эпифеноменализма», чтобы придать психическим явлениям действительность, надо рассматривать их как высшую форму физиологических процессов, как особую разновидность физического...» [19]. Под этой формой физического Дубровский понимает информацию.

Здесь, несмотря на разногласия в вопросе каузальной роли сознания, снова обнаруживается единство двух философов. Оба они решение проблемы обнаруживают в особой физической природе сознания (в книге «Сознающий ум» Чалмерс прямо указывает, что сознание может быть особой формой фундаментального явления наряду с зарядом, пространством и т.д.), под которой понимают информацию в том или ином виде — «информация об информации», «информация изнутри» и т.д.

Важно, что «информационная теория» сознания используется философами по-разному, но в обоих случаях в связи с проблемой каузальности сознания. Для Дубровского информация — путь к особой каузальности сознания, которую он называет «кодовой зависимостью». Для Чалмерса — попытка классифицировать сознание в привычных для науки (в том числе, физики) терминах, с целью установить фундаментальную связь психического и физического. Проблема такого подхода, однако, заключается в том, что рассуждения о каузальности рано или поздно приводят к проблеме редукции: «...я буду доказывать, что сознательный опыт не является чем-то логически супервентным на физическом и поэтому не может быть редуктивно объяснен». [4, стр. 101].

Вероятно, любая каузальная теория сознания (даже информационная) не может достичь цели. Дело в том, что если исследовать понятие «субъективной реальности» с позиции выделения в ней только сугубо субъективных черт, то рано или поздно окажется, что для собственно субъектной (необъективной) части «субъективной реальности» ничего не остаётся, кроме того, что происходит совершенно случайно. Ведь для всего, что имеет причины, термин «субъективное» в строгом смысле неуместен. Но как можно признать ядром собственной субъективности случайное?! (Если, конечно, понимать случайное в его негативном смысле, узко, неонтологически). Поэтому Чалмерс опускает фактор «случайного», обнуляет его, и утверждает, что для субъективной реальности не остается вообще никакой оправданной функционалом онтологии.

Чалмерс крайне большое внимание уделяет анализу того, что есть законы природы, их несупервентности на физическом и т.п., демонстрирует глубокую эрудицию в области физики и фундаментальных свойств природы, однако совершенно игнорирует такой аспект природы как случайность. Хотя случайность в его понятиях тоже несупервентна на физическом.

Глубокую связь индивидуального (субъективного) и случайного (неопределённого) можно показать на следующем примере. Подбрасывая монетку невозможно надёжно предсказать результат единичного (индивидуального) броска. Выпадет орёл или решка — случайность. Если же совершить тысячу бросков, переходя от индивидуального к множеству, то мы также совершим переход от случайного к вероятностно-необходимому. И сможем с большой достоверностью предсказать совокупный результат тысячи бросков.

Игнорирование случайного в качестве онтологического факта, рассмотрение его только в русле «побочного эффекта» необходимости, пересечения необходимости, внешней стороны необходимого, предопределено структурой человеческого мозга. Нейрон по своей сути представляет собой «машину» для установления закономерностей внешней среды, в который он существует. Поэтому мыслить законами для человека более, чем естественно. Однако, это не означает, что мир в целом построен только лишь на основе необходимых связей. Так телеологическая причинность тоже может быть рассмотрена как вариация случайного.

В этой связи случайное и необходимое, индивидуальное и многое, сознание и психика, рефлексия и автоматизм могут быть представлены не как полюсы дуальной модели мира, а как диалектическое единство, имеющее место в мире. Как человеческая реальность. Как пишет Плейс: «Вопрос, который я хотел бы поднять,

состоит в том, можем ли мы принять это предположение без того, чтобы неизбежно впасть в дуализм, в котором ощущения и психические образы образуют отдельные категории процессов. Я утверждаю, что принятие внутренних процессов не влечёт за собой дуализм...» [20, стр. 15]. Резюмируя, отметим, что понятие «субъективная

реальность» вносит много неопределенности в лексикон философии сознания. Более удачным, на наш взгляд, является понятие «человеческой реальности», позволяющее уйти от проблематики субъект-объект, и говорить о степени субъективности и объективности, случайности и необходимости тех или иных объектов сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровский Д. И. Мозг и психика // Вопросы философии. — 1968. — № 8.
2. Ильенков Э. В. Психика и мозг (Ответ Д. И. Дубровскому) // Вопросы философии. — 1968. — № 1.
3. Дубровский Д. И. Психические явления и мозг. — издательство «Наука», 1971.
4. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. — М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2013, стр. 28.
5. Нагель Т. Каково быть летучей мышью? // Глаз разума / Под ред. Д. Хофштадтера, Д. Деннета. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2003.
6. Jackson F. Epiphenomenal Qualia // Philosophical Quarterly. 1982. № 32.
7. Лекторский В. А. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. — М.: 1965.
8. Леонтьев А. Н. Понятие отражения и его значение для психологии. — Вопросы философии, 1966(а), № 12.
9. Лурия А. Р. Мозг и сознательный опыт. — Вопросы психологии, 1967, № 3.
10. Дубровский Д. И. Сознание, Мозг, Искусственный интеллект. стр.14.
11. Дж. Сёрл Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002, С. 93.
12. Э. Майр Популяции, виды и эволюция, Издательство «Мир», Москва 1974, Стр. 22.
13. Метлов В. И. Диалектика и современное научное познание // Философия и общество, 2005, № 4.
14. Сафронов А. В. Онтологический статус сознания: преодоление антитезы аналитической философии и феноменологии // Вестник московского университета. Серия 7. Философия, 2015, № 5.
15. Юлина Н. С. Очерки по современной философии сознания. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. — 408с.
16. В. С. Рамочандран Рождение разума. Загадки нашего сознания. — М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2006, с. 128.
17. Ревонсуо А. Психология сознания. — СПб.: Питер, 2013. — 336с.
18. Иваницкий А. М. Стрелец В. Б., Корсаков И. А. Информационные процессы мозга и психическая деятельность. М.: Наука, 1984. 200с.
19. Дубровский Д. И. Зачем субъективная реальность, или «почему информационные процессы не идут в темноте?» (Ответ Д. Чалмерсу)// Философские науки, 2011, 7–1.
20. Плейс У. Является ли сознание процессом в мозге?// «Герменей», 1(5), 2013.

© Сафронов Алексей Владимирович (Alexey.safronov.w@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МГУ им. М. В. Ломоносова